

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЧИ В ЭПИКУРЕЙСКОЙ ТЕОРИИ

Мы располагаем высказываниями самого Эпикура, а также его последователей, показывающими, что в его теории слова, во-первых, возникают спонтанно, и, во-вторых, существует необходимая связь между словом и обозначаемым им предметом. Эпикур в «Письме к Геродоту» утверждает: «Имена изначально возникли не по установлению (θέσει), но сами натуры людей, испытывая в каждом отдельном народе специфические ощущения (πάθη) и воспринимая специфические зрительные представления (φαντάσματα), по-разному испускали воздух под воздействием каждого из ощущений и восприятий, в зависимости от отличий народов, связанных с характером местности» (Ep.Hdt.,75).

Итак, возникновение слов Эпикур рассматривает как спонтанное произнесение сочетаний звуков под действием ощущений и зрительных впечатлений. Само по себе это представление не является необычным: эмоциональный характер первоначальных звуков предполагается и в других античных теориях, в частности у Диодора и Витрувия (см. прим. 2). Особенностью эпикурейской теории является, однако, то, что произнесение того или иного сочетания звуков обусловлено в конечном счете не эмоцией, но предметом или явлением, ее вызвавшим. Таким образом, один и тот же предмет связан постоянно с одинаковым сочетанием звуков. Здесь же содержится объяснение, почему, несмотря на подобное соответствие, у разных народов существуют не одни и те же обозначения тех же предметов: на характер звуков влияют специфические условия местности и, может быть, также различия в физиологии речевых органов.

В теории Эпикура существует также вторая стадия языка. В соответствии с общим принципом его теории возникновения культуры, на этой стадии главной движущей силой являются уже не спонтанные реакции, но рассудок. «Впоследствии в каждом народе специфические [слова] были совместно

акроплены в направлении того, чтобы обозначение вещей было менее двусмысленным и более кратким» (Ep.Hdt.,76). По-видимому, необходимость изменения слов объясняется тем, что в соответствии с теорией Эпикура один и тот же предмет уже в пределах территории одного племени вызывает не вполне одинаковое сочетание звуков, но в зависимости от местности возможны его модификации.

Причина, по которой Эпикур выдвинул столь необычную теорию возникновения языка, представляется следующей. Эпикур считал весьма важным для своей теории положение, согласно которому любое понятие может быть уяснено интуитивным путем и не нуждается в доказанном определении (Ep.Hdt., 37—38). Очевидно, что подобная теория не могла примириться с концепцией условного характера обозначений. В самом деле, если слово представляет собой лишь конвенциональное обозначение, которое может быть свободно заменено любым другим, тогда и связанные с этим словом в сознании представления носят условный характер и не содержат ничего обязательного. Именно поэтому Эпикур постулировал столь необычное происхождение слов в древности: само воздействие предметов на сознание людей с необходимостью связало именно данное слово с представлением о предмете.

Вопрос о взаимном отношении демокритовской и эпикурейской теории возникновения языка со времени диссертации Х. Дальмана решался в основном таким образом, что, согласно Эпикуру, первые люди, едва появившись на свет, не только стали произносить артикулированные звуки, но и использовать их для обозначения вещей.¹ Напротив, в традиции, которую Т. Коул, по-видимому, справедливо связывает с Демокритом,² предполагается переход от стадии жестов, сопровождавшихся нечленораздельными и не имеющими определенного значения звуками, к использованию звуков в качестве конвенциональных обозначений предметов с их одновременной артикуляцией.³ Сомнение в правильности подобного противопоставления было вскользь высказано Т. Коулом. Опираясь на выражение Лукреция (V, 1028—1029 at varios linguae sonitus natura subegit / mittere et utilitas expressit nomina rerum), Т. Коул предположил, что "whereas

nature compelled men to associate certain sounds with certain objects, the idea of using these sounds for communication came only when men perceived that their sounds were understood by others, i.e. useful".⁴ Несколько позже сходное мнение, опираясь на тот же самый пассаж, высказал Д. Седли: "Men utter sounds instinctively in reaction to objects and feelings, and, noticing that they have one sound correspond with each object or feeling they find it useful to employ the sounds as labels".⁵

Оба исследователя были согласны в том, что *utilitas expressit* Лукреция подразумевает постепенное осознание людьми полезности использования звуков в качестве обозначений предметов. При этом Д. Седли, ссылаясь на то, что Лукреций в следующих строках сравнивает возникновение речи с инстинктивными жестами еще не умеющего говорить младенца, доказывал, что переход к использованию звуков в качестве обозначений предметов относится в эпикурейской теории еще к естественной стадии возникновения языка.⁶

Хотя предположения Т. Коула и Д. Седли нам кажутся в целом правильными, они нуждаются в уточнениях, а сами по себе вызывают и некоторые возражения.⁷

Во-первых, даже если Лукреций в самом деле имел в виду, что язык развивается от стадии экспрессивных звуков к использованию их в качестве обозначений, отсюда еще не следует, что он считал это развитие особым этапом в истории человечества. Аналогия с жестами младенца вполне может означать, что уже первые люди перешли от жестикуляции к звуковой речи по мере развития их речевых органов.

Во-вторых, инстинктивный характер действий ребенка говорит против предположения Т. Коула и Д. Седли, что в основе использования звуков как обозначений лежат наблюдения и опыт, пусть даже самого примитивного свойства.

Однако эти возражения не имеют решающей силы. Дело в том, что в тексте V книги Лукреция содержится важное подтверждение градуалистского характера эпикурейской теории языка, которое ни Т. Коул, ни Д. Седли не привели для усиления своей аргументации.

Еще до начала раздела, посвященного возникновению языка, Лукреций говорит о заключении первобытными

людьми договоров о непричинении друг другу вреда, которые, согласно эпикурейской теории, положили начало обществу и праву (V, 1019—1023):

tunc et amicitiam coeperunt iungere aventes
finitimi inter se nec laedere nec violari,
et pueros commendarunt muliebrique saeculum,
vocibus et gestu cum balbe significarent
imbecillorum esse aequum misererier omnis.

Неправомерны попытки оспорить традиционное понимание пассажа как передачу первыми людьми заботе друг друга своих жен и детей, сопровождающуюся нечленораздельными звуками и жестами.⁸ Это место определенно доказывает, что эпикурейская теория возникновения языка знает историческую стадию жестов и нечленораздельных звуков.⁹ Неубедительно, а по существу и непонятно утверждение В. Шперри, что слова *vocibus et gestu cum balbe significarent*, хотя и указывают на «рудиментарную стадию» языка, однако не обязательно предполагают неартикулированную речь.¹⁰ По-видимому, В. Шперри пытается понять это место как изображение трудностей, связанных с выражением сложных для первого человека понятий, а не с артикуляцией слов. Однако *balbus* (явно звукоподражательное слово) употребляется именно как обозначение плохо артикулированной речи, либо младенческой, либо связанной с речевыми дефектами (заикание и т.п.) (см. ThLL s.v.).¹¹ Судя по обычно конкретному значению *balbus*, в нашем случае наречие *balbe* относится именно к *vocibus*, с *gestu* же связано только в виде *zeugma*. Не могут быть приняты и попытки рассматривать весь пассаж, посвященный женщинам и детям, как дополнение к традиционной эпикурейской теории, сделанное самим Лукрецием.¹² Против этого говорит уже то, что семье отведена важная роль причины смягчения первых людей и тем самым импульса культурного прогресса (V, 1012—1018), — Лукреций не мог, конечно, в этом, кардинальном для эпикурейской теории пункте, позволить себе самостоятельность. Однако мы обладаем и внешним по отношению к Лукрецию подтверждением того, что уже в его источнике примитивная стадия языка приводилась в связи с защитой женщин и детей.

Речь идет о фрагменте александрийского писателя Агатархида (род. ок. 200 — ум. вскоре после 132 либо 145 г. до н.э.¹³), который, насколько нам известно, ранее не сопоставлялся с пассажем Лукреция.¹⁴ Фрагмент относится к сочинению «О Красном море» и сохранился в двух независимых друг от друга изложениях, — в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (III, 18,6) и в «Библиотеке» патриарха Фотия (Cod. 250, 450a41-b11 Henry). Агатархид описывает народ ихтиофагов, отличающийся сверхъестественной бесчувственностью. Приведем интересное нас место в изложении Фотия, который более точно передает терминологию источника, чем Диодор: «В дополнение к сказанному выше [Агатархид] говорит, что живущие в здешних местах люди ведут себя по отношению к тому, что у нас считается страшным, совершенно иначе, чем мы. Ведь они не уклоняются от направленного на них меча, не раздражаются из-за оскорблений, и тот, кто не пострадал, не чувствует негодования из-за несчастья пострадавшего. Если кто-либо из чужеземцев причинит им нечто подобное, они лишь неотрывно взирают на происходящее и трясут головой, но не проявляют ни малейшего представления о том, что [у нас] в обычае у людей по отношению к другим людям.

Поэтому, — говорит Агатархид, — как я полагаю, они и не обладают понятной речью (*μηδὲ χαρακτήρα*¹⁵ *εὐγνώστον ἔχειν αὐτοῦς*), но в силу укоренившейся привычки все необходимое им для жизни обеспечивают себе при помощи движений головы, нечленораздельных звуков¹⁶ и подражательных жестов (*ἐπισημῶν*¹⁷ *δὲ [καὶ] νεύματι, ἤχοις τε καὶ μιμητικῇ δηλώσει*)».

Так же, как в приведенном выше пассаже Лукреция, примитивная речь состоит здесь из жестов и нечленораздельных звуков. Однако близость двух мест этим не ограничивается. Диодор (III, 18, 6) приводит важную деталь, отсутствующую в более кратком, как обычно,¹⁸ изложении Фотия: «И даже когда на их глазах убивали женщин и детей, они оставались бесстрастными, не выказывая никаких признаков гнева или сострадания». Если первое совпадение еще можно объяснить влиянием на обоих авторов типоло-

гически близких представлений о начальной стадии языка, то мотив жалости к женщинам и детям, приводимый обоими в той же связи, указывает с достаточной надежностью на более глубокое родство двух фрагментов. Ихтиофаги Агатархида оказываются антиподами первобытных людей Лукреция. У Лукреция «смягчение» человека ведет к возникновению соглашений о защите женщин и детей, которые заключаются при помощи жестов и нечленораздельных звуков. Агатархид же изображает экзотическое племя, отличающееся крайней бесчувственностью, которая выражается в том, что представители его спокойно взирают на несчастья тех же детей и женщин и именно в силу этой бесчувственности навсегда остались на той же примитивной стадии языка.

Агатархид жил на столетие раньше Лукреция. Однако маловероятно, что Лукреций использовал его этнографический экскурс об экзотическом народе, сохранившем навсегда рудиментарное состояние языка, и переосмыслил его, соединив с изображением первобытной стадии всего человечества. Будь это так, он использовал бы свою находку более выразительно и не поместил упоминание о языке жестов в придаточное предложение, где оно воспринимается как важная, но самоочевидная деталь. Более естественно поэтому предположить, что, напротив, Агатархид нашел оба мотива, язык жестов и возникновение сострадания к слабым, связанными между собой в источнике, которым пользовался Лукреций, или в аналогичном ему и переосмыслил их в соответствии с предметом своих интересов — жизнью племен, оставшихся на докультурном уровне. Этим общим источником двух авторов было, надо полагать, эпикурейское сочинение или даже сочинение самого Эпикура, и в пользу этого предположения можно привести некоторые аргументы.

Отметим прежде всего ясно выраженную у Агатархида (в обоих дошедших до нас изложениях) причинную связь между неразвитостью эмоций и отсутствием членораздельной речи. В других известных нам античных теориях возникновения языка артикуляция звуков рассматривается либо как неотъемлемое свойство человека, присущее ему или от природы, или в качестве божественного дара,¹⁹ либо как результат более или менее длительного процесса, связанного

с развитием цивилизации и предполагающего, очевидно, выработку путем упражнения определенных навыков произношения.²⁰ Только эпикурейская теория подчеркивает, как это подразумевается и у Агатархида, определяющую роль самого разнообразия эмоций в возникновении того множества сочетаний звуков, благодаря которому создается лексическое разнообразие языка (см. особ. Lucr. V,1056—1062; 1087—1090). Иными словами, только в эпикурейской теории констатируется прямая связь между наличием разнообразных эмоций и возникновением разнообразных, в достаточной мере устойчивых и, значит, по крайней мере отчасти, артикулированных сочетаний звуков.²¹

Использование Агатархидом эпикурейского источника правдоподобно также и потому, что мы находим у него и в других случаях несомненные эпикурейские реминисценции. Так, утверждение (Diod. III,18,2), что ихтиофаги любят свой суровый образ жизни, почитая счастьем само избавление от страданий (τὴν ἐκ τῆς ἐνδεΐας αὐτοῦ τοῦ λυποῦντος ὑπεξίαιρσιν), даже терминологически близко к известному изречению Эпикура (Sent.3) — «предел величины удовольствия есть устранение всего, что приносит страдание (ἡ παντὸς τοῦ ἀλγοῦντος ὑπεξίαιρσις)». ²² Другой намек на эпикурейское учение носит, возможно, скорее полемический характер: ихтиофаги, обитающие по соседству с упоминавшимся выше бесчувственным племенем, живут в чудесном согласии с тюленями, словно заключив с ними «нерушимые договоры»: они сами не вредят тюленям и не испытывают вред с их стороны (οὐτὲ αὐτοὶ τὰς φώκας σίνονται, οὐδ' ὅτ' ἐκείνων οὗτοι βλάπτονται — Phot.450 b 12—15) с характерным противопоставлением здесь же этих отношений нормальным человеческим. У Диодора (III,18,7) приводится дополнительная деталь — люди и тюлени взаимно оберегают друг у друга женщин и детей. Фразеология здесь напоминает эпикурейское понимание справедливости как договора о взаимном непричинении вреда (ὅτι τὸ μὴ βλάπτειν μὴδὲ βλάπτεσθαι — Epic.Sent.31;33; ср.: Lucr.V,1020), однако в эпикурейской теории подобный договор распространяется лишь на людей, и при том лишь на способных к его заключению (Sent.32). Парадоксальный характер этого места наводит на мысль, что и описание застывшего в своем

развитии языка бесчувственных ихтиофагов имеет сходное, парадоксальное и до некоторой степени полемическое звучание:²³ и то и другое племя демонстрирует отступление от закономерностей культурного развития, постулируемых эпикурейской теорией как универсальные.

Таким образом, хотя Агатархида не следует считать эпикурейцем по своему мировоззрению,²⁴ влияние на него эпикурейской литературы является несомненным и позволяет с большой долей уверенности считать эпикурейским тот источник, из которого Лукреций заимствовал упоминание о соглашениях о защите женщин и детей, сопровождавшихся жестами и нечленораздельными звуками, каковое Агатархид переработал в парадоксальный рассказ о племени, не знающем сострадания и потому оставшемся на стадии рудиментарного языка.

Фрагмент Агатархида позволяет сделать некоторые выводы, относящиеся как к непосредственному смыслу пассажа Лукреция V,1019—1023, так и к эпикурейской теории возникновения языка в целом.

1. В качестве субъекта при *significarent* следует понимать в согласии с рукописной традицией именно первобытных людей, притом мужчин, к которым и относится *balbe*, а не женщин и детей, как предполагали Х. Зауппе, К. Джуссани и Г. Мюллер. Фрагмент Агатархида устраняет как основанные на текстологии, так и связанные с общими соображениями сомнения в том, что эпикурейская теория признавала существование стадии нечленораздельных звуков и жестикуляции.

2. Фрагмент Агатархида показывает также неоправданность сомнений в том, что в эпикурейской теории до Лукреция сострадание к женщинам и детям рассматривалось как важный мотив заключения «общественного договора».

3. Из сопоставления фрагментов Агатархида и Лукреция делается ясная мысль, которая выражена у первого, а у второго только подразумевается: смягчение людей (*molllescere* — V,1014), сделавшее их более эмоциональными, привело к возникновению не только общества, но и артикулированного звукового языка.

Мы можем также высказать одно предположение, справедливость которого удастся подтвердить, как мы надеемся, в заключительной части статьи. По-видимому, и Агатархид, и Лукреций имеют в виду не только дальнейшую эволюцию языка с точки зрения артикуляции звуков, но и изменение самой функции последних. У Агатархида, во всяком случае, нечленораздельные звуки играют явно второстепенную роль по сравнению с жестами (недаром Диодор даже не счел нужным упомянуть о них в своем изложении), они, очевидно, служат лишь невольным выражением эмоций, весьма слабых у ихтиофагов, которые сопровождают жестикуляцию. Мы постараемся дальше показать, что и Лукреций предполагает эволюцию от произнесения спонтанных, вызванных эмоциями звуков к использованию тех же звуков для обозначения вещей.

Опираясь на то, что *Lucr.V,1022* бесспорно доказывает историческое развитие языка, по крайней мере в форме перехода от неартикулированных звуков и жестов к артикулированной речи, если не в форме изменения функции самих звуков, мы можем теперь обратиться к разделу поэмы, специально посвященному возникновению языка (V,1028—1090), за уточнениями в понимании этого развития.

Предложение, в котором Лукреций формирует свое понимание факторов, вызвавших появление языка, давно вызывает споры в научной литературе (V,1028—1029):

*At varios linguae sonitus natura subegit
mittere et utilitas expressit nomina rerum.*

Неясности этого пассажа связаны, с одной стороны, с непонятным соотношением между *sonitus* и *nomina*, а с другой — с различным пониманием процессов, стоящих за выражением *utilitas expressit* (в основном все согласны с тем, что первая часть фразы соответствует стадии спонтанного произнесения звуков под воздействием вещей, о которой говорит Эпикур в *Ep.Hdt.,75*).

В первую очередь следует отвести напрашивающееся предположение, что первая часть фразы означает произнесение отдельных фонем («букв» в античном понимании), а

вторая — последующее составление слов из этих звуков. Мы уже отмечали (см. прим.3), что подобное развитие не характерно, судя по всему, для культурно-исторических теорий, предполагающих, напротив, эволюцию от нечленораздельных фонетических отрезков к словам через артикуляцию звуков внутри уже возникших комбинаций. Кроме того, несколько ниже (V,1044) то же выражение *varios sonitus emittere linguae* употребляется несомненно в значении «произносить разнообразные сочетания звуков», так как Лукреций говорит здесь о произнесении гипотетическим создателем слов, существование которого Лукреций отвергает, названий различных предметов. Терминология Лукреция, видимо, следует здесь словоупотреблению самого Эпикура; см. *φθόγγος* в значении «сочетание звуков» или «слово»: Ep.Hdt.38 (см. также Diog.Oen.fr.12,col.II,12 Smith).

Далее, безусловно ошибочной является попытка К. Джуссани связать вторую половину формулировки (*utilitas expressit nomina rerum*) со второй, рациональной стадией развития языка в изложении Эпикура (Ep.Hdt.,76).²⁵ С одной стороны, К. Джуссани неверно истолковал слова Эпикура таким образом, что звуки «от природы» неразрывно связаны лишь с определенными эмоциями, и лишь впоследствии люди, заметив случайно возникшую ассоциацию между некоторыми звуками и предметами, устанавливают произвольно, путем соглашения, прочную связь между «именем» и вещью.²⁶ На самом деле Эпикур предполагает обусловленность произнесения слов не только эмоциями, но и действием определенных предметов уже на первой стадии.²⁷ С другой стороны, толкование К. Джуссани неправдоподобно потому, что в тексте Лукреция нет более никаких указаний, которые можно было бы связать с рациональной стадией развития языка: ни инстинктивные жесты ребенка (1030—1032), ни эмоциональные звуки животных (1056—1090), с которыми Лукреций сопоставляет начало речи, не могут служить аналогией процесса, предполагаемого К. Джуссани.

Однако попытка Лукреция объяснить естественное происхождение речи ссылкой на жесты еще не умеющего говорить ребенка заслуживает более пристального внимания.

Уже К. Джуссани, который попытался понять это место как пояснение к первой половине формулировки (*at varios linguae sonitus natura subegit mittere*), сам указал на очевидное выражение против своего толкования — почему Лукреций ссылается именно на жесты, а не на лепет младенца? Если не принимать в качестве объяснения предполагаемое К. Джуссани *salto* в мысли поэта (хотел сказать о звуках и жестах, а сказал только о жестах),²⁸ то остается единственное объяснение: Лукреций упоминает о жестах намеренно, поскольку его интересует именно происхождение способности обозначать вещи, а не говорить вообще. По-видимому, он хочет сказать, что из жестов ребенка, указывающего на предметы, столь же естественно возникает способность обозначать их при помощи слов, как из первых попыток теленка бодать еще не выросшими рогами развивается важная для взрослого животного защитная функция. Мы можем даже предположить, что именно способность указывать на вещи при помощи жестов или звуков Лукреций считал специфически человеческим элементом языка в отличие от звуков, выражающих эмоции, свойственных и животным (V,1056 сл.).

Заметим далее, что данная аналогия носит более сложный характер, чем примеры поведения детенышей животных. В нашем случае орган, при помощи которого осуществляется функция на начальном этапе (руки), отличается от того, который действует впоследствии, когда способность развилась полностью (язык). Если не прибегать к искусственному объяснению, что Лукреций не заметил этого контраста, напрашивается вывод: он не считает, что ребенок при помощи первых невнятных звуков стремится указывать на вещи.

Прежде чем ответить на вопрос, что именно подразумевают слова *utilitas expressit*, остановимся на аналогии, приводимой Лукрецием для разъяснения (всей или части) своей двучленной формулировки:

At varios linguae sonitus natura subegit
mittere et utilitas expressit nomina rerum
non alia longe ratione atque ipsa videtur
protrahere ad gestum pueros infantia linguae.

Лукреций резюмирует (1033): *sentit enim vis quisque suas quo[ad] possit abuti* ('ведь каждый чувствует, куда он может применить свои силы'). Смысл этого высказывания состоит не только в том, что каждое живое существо может без всякого обучения развивать способность, характерную для данного вида, но и в том, что оно, как показывает серия дальнейших аналогий, начинает осуществлять соответствующую функцию еще до того, как органы, обеспечивающие ее, достаточно развились (V,1035—1040): телята начинают бодаться еще до того, как у них выступили на лбу рога; детеныши пантеры и льва царапаются и кусаются, едва у них намечаются когти и зубы; птенцы пытаются летать на неокрепших крыльях. Ясно, что такое же значение должны иметь в качестве аналогии жесты ребенка — они также демонстрируют первое проявление способности, для осуществления которой нет надобности в обучении. Это видно и из того, что из аналогий делается вывод: «поэтому глупо считать, что некто в древности распределил имена между вещами, и от него люди научились первым словам» (1041-1043). Итак, Лукреций доказывает врожденный характер основы человеческой речи. Таким образом, по крайней мере, в индивидуальном развитии человека эпикурейская теория усматривала переход от жестов к звукам в качестве средства обозначения предметов и вместе с тем изменение функции самих звуков — от спонтанного выражения эмоции к интенциональному обозначению вещи.

Но что означает этот вывод применительно к развитию человека как родового существа? Здесь нам приходится иметь дело с уже упоминавшейся влиятельной точкой зрения Х. Дальмана. Поскольку Лукреций использует свою аналогию для объяснения того, как возникла звуковая речь, Х. Дальман, критикуя толкование К. Джуссани, сделал вывод, что первые люди так же естественно, как ребенок обозначает вещи пальцем, стали обозначать вещи звуками. Х. Дальман, в отличие от К. Джуссани, связывал аналогию с обеими частями загадочной формулировки Лукреция, считая, что *natura* и *utilitas* действуют синхронно: люди изначально обладают способностью произносить разнообраз-

ные звуки, и одновременно полезность вынуждает их обозначать вещи при помощи звуков.²⁹ Сама по себе аналогия действительно допускает подобное толкование: Лукреций мог в самом деле иметь в виду, что, так же как ребенок по мере развития речевых органов переходит от жестов к звуковой речи, так и люди, впервые появившиеся из земли, немедленно по мере индивидуального развития претерпели подобную же метаморфозу.

Однако теперь мы знаем, что такой вывод является ошибочным. Упоминание о жестах и нечленораздельных звуках первых людей в V,1022 (не учитывавшееся Х. Дальманом) доказывает, что эпикурейская теория знает длительную стадию, не окончившуюся еще с переходом от первобытной дикости к развитию цивилизации, когда основным средством общения являлись жесты. Теперь, опираясь не только на фрагмент Агатархида, но и на рассуждения самого Лукреция в V,1028 слл., мы можем с уверенностью утверждать, что в V,1022 изображена стадия, когда люди еще обозначали предметы при помощи жестов, а нечленораздельные звуки лишь сопровождали жесты в качестве произвольного выражения эмоций.³⁰

Что в результате дает аналогия жестов ребенка для понимания развития речи в эпикурейской теории? Здесь можно сделать теперь несколько выводов. Во-первых, ясно, что из двух половин формулировки аналогия соответствует лишь второй (*utilitas expressit nomina rerum*), ибо, как мы показали, жесты ребенка демонстрируют зарождение способности обозначать предметы, а не языка вообще. Предположение Т. Коула и Д. Седли, что *utilitas expressit* подразумевает более позднюю стадию, чем *natura subegit*, а именно начало использования звуков для обозначения предметов и превращение их тем самым в *nomina rerum*, получает подтверждение: с одной стороны, в толковании аналогии с жестами, а с другой — в изображении стадии, где функцию обозначений выполняют жесты (V,1022). То, что V,1028sq подразумевает, вопреки Х. Дальману, два различных фактора возникновения языка и две ступени развития, видно и из того, что спонтанно вырывающиеся звуки, вообще говоря,

не обязательно полезны, и потому произносить звуки невольно под воздействием вещей совсем не то, что обозначать вещи при помощи звуков. Последнее в самом деле полезно, первое — далеко не всегда. Показательно и то, что Лукреций, перечисляя в красочном экскурсе разнообразные звуки животных, удивительным образом умалчивает о звуках, служащих сигналами, говоря лишь о невольных звуках, сопровождающих действие. Очевидно, человеческая способность указывать, возникшая под воздействием *utilitas*, была для Лукреция чем-то отличным от свойственной всем живым существам способности издавать эмоциональные звуки. Понимаемое таким образом трудное место V,1028 sq. формулирует суть процесса возникновения речи как не сразу возникшей комбинации двух врожденных способностей — способности издавать разнообразные звуки, присущей вообще животным, но человеку в силу превосходства голоса и строения языка в особенности (см. 1056sq.), и свойственной одному человеку способности указывать на вещи, их обозначать.

Другой наш вывод расходится с суждениями Т. Коула и Д. Седли. Изображение младенца и его жестов показывает, что исторический переход от жестов к звукам эпикурейская теория связывала не с наблюдением и опытом, пусть даже самого примитивного характера, но с инстинктом и принуждением. В пользу такого понимания говорят не только выражения *protrahere* и *facit ut...* в аналогии, но и *expressit* в самой формулировке возникновения языка, что следует здесь понимать как *utilitas* 'вынудила', буквально 'выдавила',³¹ а не просто 'выразила'.

Необычное, насколько можно судить, изображение *utilitas*³² в качестве движущей силы воспроизводит, возможно, терминологию греческого оригинала — во всяком случае, в греческих культурно-исторических рассуждениях мы встречаем употребление *promiscue to symféron* и *ureia* как наставников в открытиях (Diod.I,8,23;90,1). При этом под полезным понимается не осознание пользы чего-то уже существующего, но, напротив, потребность, ведущая к открытию полезного а *posteriori*, благодаря случайности и опыту. Так же и в

нашем случае *utilitas expressit* означает именно потребность, заставившую людей говорить, с тем лишь отличием, что на место опыта диодоровских первобытных людей в эпикурейской теории поставлен инстинкт. Обозначать вещи при помощи слов люди стали потому, что это полезно, но полезность эта не была ясна заранее — она действовала как нужда, побуждающая ребенка указывать пальцем, еще не сознавая, что это полезно.³³

Если более позднее происхождение речи по сравнению со спонтанным возникновением звуков и вместе с тем инстинктивный характер этого развития представляются нам доказанными, то относительно конкретных факторов, с которыми эпикурейская теория связывала это развитие, приходится ограничиться предположениями. Уже Г. Властос был склонен связать фактор *utilitas* с упоминавшимся не раз заключением договоров между соседями (V,1019—1023),³⁴ где, напомним, Лукреций и говорит о еще неразвитой речи. Кроме того, мы можем опереться на сделанный при сопоставлении этого пассажа с фрагментом Агатархида вывод, что именно смягчение людей, выразившееся прежде всего в появлении заботы о женщинах и детях, привело к обогащению эмоций и вследствие этого к большему разнообразию звуков. Если эти соображения указывают именно на эпоху первых договоров как время возникновения речи, то мы можем сделать следующий шаг и предположить, что сами договоры и были той ситуацией, в которой звуки стали впервые использоваться вместо жестов для обозначения предметов.

В самом тексте Лукреция прямых подтверждений подобному предположению нет, но мы располагаем описанием сходной ситуации в той традиции, которая при несомненной близости к эпикурейской отличается от нее пониманием связи между вещами и словами как конвенциональной. В пассаже Лактанция (Div.inst.VI,10,14) возникновение речи связывается с зарождением самого общества: «Тогда те, кто израненные [хищниками], спаслись или видели, как были растерзаны их ближние, наученные опасностью бежали к другим людям, умоляли их о помощи и выразили свое

намерение сперва жёстами, а затем впервые попытались говорить». Т. Коул справедливо заметил, что здесь должна идти речь не просто о постепенном развитии языка, но о специфической ситуации, когда случайно, в силу стечения обстоятельств, возникают «новые формы коммуникации»³⁵ (Т. Коул считает подобные объяснения новых ступеней в культурном развитии характерными именно для демокритовской традиции). По-видимому, в пассаже Лактанция подразумевается что-то вроде случайного, под воздействием опасности, использования звуков, выразивших обычно только эмоции, для описания ситуации, недоступной наблюдению и не выразимой при помощи жестов (возможно, несознательное звукоподражание).³⁶

Нечто подобное можно было бы ожидать в качестве объяснения перехода от жестов к звукам и в эпикурейской теории. При этом как раз договоры о защите женщин и детей, представляющие собой полную аналогию ситуации, в которой зарождается общество у Лактанция, являются наиболее подходящим моментом для эволюции речи. Во-первых, как уже отмечалось, только здесь Лукреций упоминает о жестах и спонтанных звуках — тех двух компонентах, из которых он в V,1028 sq. выводит начало речи. Во-вторых, именно эти соглашения, при заключении которых женщины и дети, скорее всего, отсутствовали, — наиболее естественны в качестве ситуации, когда языка жестов уже недостаточно. Если в самом деле в эпикурейской теории имелось в виду, что потребность защитить женщин и детей однажды привела под воздействием сильных эмоций к произнесению звуков, которые впервые были поняты окружающими, связь между смягчением человека, возникновением семьи, общества и речи в эпикурейской теории оказывается еще более прочной. Во всяком случае, насколько бы ни были гипотетичны наши предположения о конкретной ситуации, в которой возникла речь, повторим, что ее, с одной стороны, сравнительно позднее возникновение, а с другой — инстинктивный и необходимый характер в эпикурейской теории кажутся нам бесспорными.

Предпринятый нами разбор позволяет, как мы надеемся, продвинуться в понимании связи между двумя теориями языка — эпикурейской и той, что представлена в традиции, которую Т. Коул возводит к Демокриту. Несмотря на очевидный контраст, — первая предполагает естественную связь слов и предметов, вторая — конвенциональную связь, возникающую постепенно и случайно в ходе развития цивилизации, — близость той и другой оказывается более значительной, чем понималось в работах последних лет, основывающихся на интерпретации Х. Дальмана. Эпикурейская теория, как мы доказывали, также знает эволюцию звуков с точки зрения их артикуляции, которая происходит отчасти спонтанно вследствие изменения свойств самих людей, отчасти же сознательно (см. Ep.Hdt.,76 о совершенствовании слов). Известна эпикурейской теории и эволюция от жестов к словам как средству обозначения предметов. Учитывая это сходство, которое в силу совпадений и в других частях теории следует считать именно генетическим, а не типологическим, характер соотношения двух концепций следует, очевидно, толковать как зависимость Эпикура от традиции, из которой заимствовали свои изложения Диодор, Витрувий и Лактанций, а не наоборот. В самом деле, гораздо более вероятно, что именно Эпикур заимствовал градуалистскую теорию возникновения языка, в которой изображались различные ситуации, способствующие его поступательному развитию, и модифицировал ее по существу в единственном пункте, а именно — постулируя естественную связь слов и предметов. От Эпикура, который, как мы знаем, был сосредоточен преимущественно на том, чтобы обосновать именно это, важное для него с общефилософской точки зрения, положение о спонтанном происхождении языка, трудно ожидать склонности к разработке деталей его последующей эволюции — естественнее считать, что он взял их из уже существующей теории. Гораздо менее правдоподобно, что, напротив, какой-то неизвестный автор позднее устранил из эпикурейской теории упоминание о естественном возникновении связи между словами и предметами, внес большую детализацию в понимание эволюционных процессов, и это изложение стало настолько авторитетным, что

было использовано столь различными авторами, как Диодор, Витрувий и Лактанций. Кто из теоретиков возникновения культуры утилитаристского и реалистического направления, живший в эпоху эллинизма, мог быть заинтересован в подобной модификации и оказаться при этом настолько авторитетным для последующей традиции? Напротив, единственное звено, соединяющее версию Диодора, Витрувия и Лактанция с Демокритом, а именно — конвенциональная теория языка (см. Procl. In. Crat. 16=fr.563 Luria),³⁷ может быть подкреплено примечательным сходством этой версии в других отношениях с теорией Эпикура. Кто, в самом деле, скорее, чем Демокрит, мог быть источником теории, измененной Эпикуром, как мы теперь знаем, лишь в одной, пусть и существенной детали?³⁸

Примечания

¹ Dahlmann J. H. De philosophorum graecorum sententiis ad loquellae originem pertinentibus capita duo: Diss. Weidae Thuringorum, 1928. P.16—17. Х. Дальман высказал свое мнение, оспаривая утверждение К. Джуссани (безусловно ошибочное), что у Lucr. V,1028—1029 (см. далее об этом месте) содержится указание на вторую, конвенциональную и рациональную стадию в развитии языка из «Письма к Геродоту» Эпикура (гл.75—76). Тезис Х. Дальмана приняли: Spoerri W. Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Untersuchungen zu Diodor von Sizilien // Schweiz. Beitr.z.Alt. Basel, 1959. Hft 9. S.135—136 («Эпикур ничего не знает о состоянии, в котором человеческий голос был ἀσπρὸς и οὐκ ἐκχυμένῃ и еще нуждался в артикуляции»); Müller R. Die epikureische Gesellschaftstheorie. Berlin, 1974. S.99. Anm. 228; Offermann H. Lukrez V,1028—1090 // RhM. 1972. Bd 115. S.150—156, bes.153f.

² Речь идет о пассажах Diod.1,8,2—3, Vitruv. II,1,1 и Lact. Div. inst. VI,10,13—14, в которых, помимо совпадений, относящихся к культурно-исторической концепции в целом, отразилось идентичное понимание развития языка; см.: Cole T. Democritus and the Sources of Greek Anthropology: 2nd ed. Atlanta, 1990. P.60—69.

³ Под звуками в культурно-исторических рассуждениях понимаются, по-видимому, не отдельные сегменты как прообраз будущих фонем развитого языка («букв» в античном понимании), но сочетания звуков, позднее превратившиеся в слова. Подобное понимание отчетливо выражено в теории (стоической?), излагаемой Цицероном (De rep. III,3): разум "voces incohatum et confusum sonantes incidit et distinxit in partes"; ср.: Cole T. Democritus... P.60f.

⁴ Ibid. P.61. Not.3. — Т. Коул полемизирует здесь с В. Шперри, который, ссылаясь на фрагмент Диогена из Эноанды (fr.12, col.III Smith.), утверждал,

что в эпикурейской теории люди сразу же обладали ὀνόματα и ῥήματα, т.е. артикулированной речью (Spoerri W. Späthellenistische Berichte. S.137). Мнение В. Шперри является преувеличением: Диоген говорит лишь о αἱ πρῶται ἀναφθεύξεις τῶν τε ὀνομάτων καὶ τῶν ῥημάτων, что, хотя и показывает известную определенность первых комбинаций звуков, не исключает их последующей артикуляции. Вместе с тем предполагаемая Т. Коулом эволюция функции звуков не обязательно означает, что звуки развивались и с точки зрения артикуляции. Однако, как мы увидим дальше, Т. Коул прав и в этом отношении.

⁵ Sedley D. Epicurus. On Nature. Book XXVIII // Cronache Ercolanesi. 1973. Vol.3. P.18. Not.91.

⁶ Острые полемике Д. Седли направлено против тех, кто вслед за К. Джуссани видел в словах utilitas expressit ... намек на вторую, рациональную стадию развития языка в изложении Эпикура (Ep.Hdt.,75—76); см. также: Cole T. Democritus... P.61. Not.3.

⁷ В последующей литературе, насколько нам известно, их мнение не встретило ни поддержки, ни опровержения (см. работы Р. Мюллера и Х. Оффермана, следующие предположению Х. Дальмана, в прим.1).

⁸ Неубедительно само по себе и опровергается приводимым далее фрагментом Агатархида предложение Г. Мюллера (развившего идею Х. Заупше) исправить pueros на pueri и сделать, таким образом, pueri muliebreque saeculum подлежащим при commendarunt и significarent (Müller G. Die fehlende Theologie im Lukreztext // Monumentum Chiloniense: Kieler Festschrift für E. Burck / Hrsg. von E. Lefèvre. Amsterdam, 1975. S.279. Anm.2). В том же духе К. Джуссани: T. Lucretii Cari Libri sex, revisione del testo, commento e studi introduttivi di C. Giussani. Torino, 1896—1898. Ad loc. (предлагалось домыслить se при commendarunt). Возражение Г. Мюллера против понимания commendare как «поручать заботе» неубедительно, так как оно подтверждается аналогичным выражением в V,860sq. Само исправление текста, помимо синтаксических затруднений (при commendarunt приходится домысливать amicitiam), неудачно и по смыслу: отнесение balbe к женщинам (а не только к детям) явно неуместно. Устранение, таким образом, из текста упоминания о нечленораздельных звуках, присущих всем людям, кажется неоправданным.

⁹ Так, правильно истолковывают это место К. Вестфален и Р. Мюллер (Westphalen K. Die Kulturentstehungslehre des Lukrez: Diss. München, 1957. S.58, 60; Müller R. Die epikureische Gesellschaftstheorie. S.43).

¹⁰ Spoerri W. Späthellenistische Berichte... S.219 (Zuzätze zu S.137 Anm.11). Напротив, критикуемый им (S.136. Anm. 5) Р. Филиппсон (Philippson R. [Rec.]: Dahlmann J. H. De philosophorum graecorum sententiis... / Philologische Wochenschrift. 1929. Jhrg.49. Sp.675) был прав, утверждая (однако без ссылки на Lucr. V, 1022), что первоначальные звуки в эпикурейской теории имели неартикулированный характер, хотя и ошибался, считая их лишены значения, т.е. не связанными, подобно тому как у Диодора (Diod.1,8,3), с предметами.

¹¹ Сам Лукреций (IV,1164) рисует ситуацию, где для женщины, являющейся balba, подыскивается ласковый эвфемизм, греческое τραυλίσειν.

¹² Подобное соображение высказывал, в частности, и Я. М. Боровский (Б о р о в с к и й Я. М. Вопросы общественного развития в поэме Лукреция // Древний мир: Сб. статей в честь В. В. Струве / Отв. ред. Н. В. Пигулевская. М., 1962. С. 482); ср., напротив: Cole T. Democritus... P. 76; 200.

¹³ К датировке Агатархида см.: Leopoldi H. De Agatharchide Cnidio: Diss. Rostock, 1892. P. 5—6; Schwartz E. Agatharchides // RE. 1892. Bd 1. Sp. 739; FGrHist. 1963. Bd 2C: Kommentar S. 151f (приблизительная дата рождения основывается на свидетельстве Фотия, Bibl. Cod. 213, 171a7, terminus post quem для датировки смерти на указании самого Агатархида у Фотия, Phot. Bibl. Cod. 250, 460b 9—13). Литература об Агатархиде указана в: Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. Vol. 2. P. 772. Not. 159.

¹⁴ Только Т. Коул (Cole T. Democritus... P. 63. Not. 8) мимоходом сопоставил этот фрагмент Агатархида с изображением жестов как примитивной стадии языка у Витрувия (II, 1, 1).

¹⁵ Ср. уже у Hdt. I, 53, 7 выражение δ χαρακτήρ γλώσσης в значении «определенный язык» или «диалект» (далее см. LSI s.v.) и Diod. I, 8, 4: παντοῖος... χαρακτήρας διαλέκτων.

¹⁶ См. в других фрагментах Агатархида ἤχος как противоположность φωνή ἐναρθρός (Diod. III, 17, 3); ср. также αἱ ἀναρθροὶ φθαί ιχθυοφαγῶν (ibid. III, 17, 1 и Phot. Bibl. Cod. 250, 450a 10—11).

¹⁷ По-видимому, καὶ следует атетировать (ошибочное понимание переписчиком ἐπίσημῶν как однородного члена по отношению к νεύματι и др.?).

¹⁸ Об особенностях манеры эксцерпирования Диодора и Фотия см.: Palm J. Über Sprache und Stil des Diodors von Sizilien. Lund, 1955, bes. S. 25, 26, 55; Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. Vol. 2. P. 774ff.

¹⁹ Наиболее ранние утверждения такого рода см.: Eur. Suppl. 203sq., Xen. Mem. I, 4, 12.

²⁰ Первые высказывания на этот счет появляются уже в самых древних рассуждениях о начале цивилизации: у Протагора — см. Plat. Prot. 322a (implicite также Soph. Ant. 352—354: φθέγμα... ἐδιδάξατο[sc. ὁ ἀνθρώπος]), и в традиции, близкой во многих отношениях к эпикурейской и восходящей, по-видимому, к Демокриту: ἐκ τοῦ κατ' ὀλίγον διαρθροῦν τὰς λέξεις (Diod. I, 8, 3). Отметим также, что Аристотель, в целом не интересовавшийся эволюцией человеческого языка и считавший артикуляцию свойством, присущим людям от природы (De interpr. I, 3, 16a 27—30; Pol. I, 2, 1253a 9—10), тем не менее, констатируя различия в артикуляции звуков у птиц одного и того же вида в зависимости от местности в противоположность идентичности неартикулированных звуков, указывал, что артикулированное пение является скорее результатом обучения, нежели врожденной способности, и проводил при этом аналогию с различиями языков (διάλεκτος) при идентичности голоса (φωνή) у человека (Hist. an. IV, 9, 536b 11—20).

²¹ Спонтанная (по крайней мере, отчасти) артикуляция предполагается в эпикурейской теории уже самим тезисом Эпикура, воспринимаемым в древности как оригинальный, что слова возникли «естественно», помимо сознательного стремления человека в качестве эмоциональной реакции на воздействие самих вещей (Ep. Hdt. 75, см.: fr. 334; 355 Us.; Sext. Emp. Adv. math. I, 142—143; ср. также сопоставление с эмоциональными криками животных: Lucr. V, 1055 sqq.). Эпикур должен был иметь в виду, что подобные сочетания звуков уже в своем спонтанном возникновении носили достаточно

определенный и устойчивый характер, т. е. были до какой-то степени артикулированы. В противном случае, если бы Эпикур (как не раз предполагали) имел в виду лишь спонтанное возникновение нечленораздельных звуков и их последующую, «искусственную» артикуляцию, его теория не представляла бы собой ничего исключительного. Другая специфическая черта эпикурейской теории — изначальная обусловленность слов не только эмоциями, но и вещами, вызвавшими эти эмоции, т. е. естественная связь слов и предметов, также подразумевает в качестве необходимого условия спонтанную, по крайней мере частично, артикуляцию первых сочетаний звуков в направлении их будущей роли — слов данного языка.

²² Ср.: Phot. Bibl. 450a 39—40 и Diod. III, 16, 4. Близость места к эпикурейскому учению отмечена Г. Леопольди (Leopoldi H. De Agatharchide Cnidio. P. 58).

²³ Мы не беремся определить степень серьезности подобных парадоксов.

²⁴ Приверженность Агатархида эпикуреизму преувеличивается уже у Г. Леопольди (Leopoldi H. De Agatharchide Cnidio. P. 55). Подробнее к этому вопросу мы напомним вернуться в другой работе. Здесь укажем лишь на отличия в подходе к вопросам культурной эволюции. Эпикур, насколько можно судить, хотя и относил особенности различных цивилизаций на счет влияния местных условий, в том числе природных (Ep. Hdt. 75 — о языке; Sent. 33, 36 — о нравах), стремился, однако, прежде всего подчеркнуть общие закономерности развития цивилизации. Напротив, Агатархид, также рассматривавший каждую из культур как результат действия особых географических факторов, сам эти причины трактовал как случайные (e.g. Phot. 448b 11—17 и Diod. III, 8, 5—6). Интерес к универсальным закономерностям культурного прогресса мы не находим у него вовсе, а одно место (Diod. III, 15, 7) можно трактовать и как отрицание подобных закономерностей.

²⁵ T. Lucretii Cari Libri sex, revisione del testo, commento e studi introduttivi di C. Giussani. Vol. 1: Studi Lucreziani. Torino, 1896. P. 280—282.

²⁶ Ibid. P. 275 sq. — С. Бейли также ошибочно считал, что в эпикурейской теории звуки естественно соответствуют лишь определенным эмоциям, но не определенным предметам (T. Lucretii Cari De rerum natura libri sex / Ed. with Proleg., Crit. App., Trans. and Comm. by C. Bailey. Oxford, 1947. Vol. III. P. 1487). Однако в отличие от К. Джуссани он полагал, что utilitas expressit относится не к окончательному, в пределах всего народа, закреплению слов путем соглашения за определенными предметами, но к промежуточной, не упоминаемой Эпикуром стадии: заметив полезность того, что сходные эмоции связаны с определенными криками, люди стали использовать по соглашению звуки для обозначения вещей (Ibid. P. 1490, 1491). С. Бейли исходил из ошибочного представления, что излагаемая в Diod. I, 8, 3 последовательность возникновения языка, на которую он явно ориентировался, отражает эпикурейскую теорию (P. 1487 f.). Определенно неудачно сопоставление (вслед за К. Джуссани) слов natura subegit с первоначальными криками ребенка (не упоминаемыми Лукрецием), а слов utilitas expressit — с криками животных. О жестах младенца в этой связи С. Бейли вообще не упоминает.

²⁷ См. соображения, высказанные Г. Властосом (Vlastos G. On the Prehistory in Diodorus // AJPh. 1946. Vol. 67. P. 52—54) в полемике с Ф. де Лэси, который, подобно К. Джуссани и С. Бейли, считал, что звуки в

эпикурейской теории «естественно» связаны лишь с эмоциями, но не с вещами (De Lacy P. H. The Epicurean Analysis of Language // AJP. 1939. Vol. 60. P. 87 f; Philodemus. On Methods of Inference / Ed. by E. and P. de Lacy. Philadelphia, 1941. P. 140) и далее против К. Джуссани: Cole T. Democritus... P. 62. Not. 5; Sedley D. Epicurus. On nature. P. 18. Not. 91.

²⁸ Это неправдоподобно уже потому, что Лукреций подчеркивает здесь именно *infantia linguae*.

²⁹ Dahlmann J. H. De philosophorum graecorum sententiis... P. 16—17.

³⁰ К. Вестфален, развивая интерпретацию Х. Дальмана V, 1028—1029, рассматривает V, 1022 как ее подтверждение — неартикулированная речь, нуждающаяся в поддержке жестов, относится к «естественной» стадии, и в то же время полезность речи уже осознана (Westphalen K. Die Kulturentstehungslehre des Lukrez. S. 58). Но могли ли слова *utilitas expressit* помина характеризовать подобную стадию речи? Чуть ниже К. Вестфален, отступая от своего толкования, присоединяется к мнению С. Бэйли (см. прим. 26).

³¹ Так, правильно, ThLL, s.v. *exprimo*, Sp. 1786 (H. Oellacher). На выбор этого глагола повлияло, видимо, его частое употребление в значении «издавать (с затруднением) звуки» (Lucr. IV, 548 и др. примеры: Ibid., Sp. 1785).

³² См. еще: Hor. Sermon. I, 3, 98 (*atque ipsa utilitas iusti prope mater et aequi*) — в эпикурейском по идеям рассуждении.

³³ Аргумент Лукреция в V, 1046—1049, очевидно, нужно истолковать таким образом, что начало речи нельзя объяснить иначе, как проявление врожденной способности.

³⁴ Vlastos G. On the Prehistory in Diodorus. P. 55. Not. 20.

³⁵ Cole T. Democritus... P. 65.

³⁶ Несколько иное объяснение предлагает Т. Коул (Cole T. Democritus... P. 65f).

³⁷ Ibid. P. 67—69.

³⁸ Косвенным подтверждением того, что теория возникновения языка Эпикура появилась в результате подобной модификации, может служить фрагмент из 28-й книги его сочинения «О природе» (fr. 12, col. III, 2—12 Sedley; восстановление текста в: Sedley D. Epicurus. On nature... P. 44, ср. P. 22). Эпикур критикует здесь свое прежнее убеждение, что обыденный язык из-за его неточности ведет к ошибкам, непригоден для философии и нуждается в реформировании. В момент написания книги Эпикур уже считает обычный язык в целом пригодным, полагая, что неточности словоупотребления легко устранить, усматривая лежащее в основе слова его «первое», естественное, значение (ср. Ep. Hdt. 37—38). Если восстановление Д. Седли верно, воззрения Эпикура на характер современного языка претерпели изменение — от оценки его как преимущественно конвенционального к убеждению в том, что в нем в основном сохраняется естественная возникшая связь слов и предметов.

Сокращения

AJPh	— American Journal of Philology.
FGrHist	— Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden, 1923—1958.
LSJ	— A Greek-English Lexicon / By H. Liddell and R. Scott. A new (9th) ed. by H. St. Jones. Oxford, 1940.
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1893—1972.
RhM	— Rheinisches Museum für Philologie.
ThLL	— Thesaurus linguae latinae. Leipzig, 1900—
Schweiz. Beitr. z. Alt.	— Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. Basel.